

Российской академии наук
Уральское отделение
Институт истории и археологии

**ОПЫТ РОССИЙСКИХ
МОДЕРНИЗАЦИЙ XVIII–XX вв.:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МАКРО-
И МИКРОПРОЦЕССОВ**

Екатеринбург
2011

*Подготовка и издание осуществлено в рамках гранта
Президента РФ по поддержке ведущих научных школ
№ НШ-5236.2010.6 «Опыт российских модернизаций XVIII–
XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов»*

**Руководитель проекта
академик РАН В.В. Алексеев**

**Рецензенты:
доктор исторических наук В.П. Тимошенко
доктор исторических наук А.В. Трофимов**

060 Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков и др.; Ин-т истории и археологии УрО. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2011. – 404 с.

ISBN 978–5–7851–0757–4

Монография представляет собой комплексное многоуровневое исследование российских модернизаций XVIII–XX вв. Впервые рассматриваются проблема выявления механизмов протекания модернизационных процессов в страновом, региональном, локальном масштабах, взаимодействия макро-, мезо- и микропроцессов в формировании российской модели модернизации.

Книга представляет интерес для историков, социологов, экономистов, философов, культурологов, регионоведов.

© Индивидуальные авторы, 2011.
© Банк культурной информации,
оформление, 2011.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава I. Теоретико-методологическое обоснование многоуровневого изучения модернизации	
1. Модернизационная парадигма: классика и современность	12
2. Теория модернизации: обновление дискурса	20
3. Между макро- и микро: уровни модернизационного анализа	27
Глава II. Модернизация на макроуровне	
1. Геополитическое измерение российских модернизаций	49
2. Волны вестернизации в контексте российских модернизаций	78
3. Механизмы распространения и адаптации инноваций	98
4. Аграрный переход	125
Глава III. Региональный уровень модернизации	
1. Взаимодействие промышленной и аграрной сферы в контексте российской протоиндустриализации	167
2. Формирование сферы гражданской деятельности	191
3. Военно-промышленный комплекс Урала как фактор модернизационной динамики России	221
Глава IV. Модернизация на микроуровне	
1. Горнозаводское поселение на Урале: традиции и новации в культуре	268
2. Златоустовский горный округ в контексте модернизации ...	288
3. Русская Православная церковь в период модернизации	308
4. Атомные города СССР: повседневная жизнь и большая политика	344
Заключение	363
Примечания	375

ВВЕДЕНИЕ

С точки зрения кардинальной смены технологических способов производства человеческая история знает две величайшие революции. Первая связана с заменой собирательства и пастушества земледелием (неолитическая), вторая — с переходом от аграрного общества (традиционного) к индустриальному или современному (модернизация). Следовательно, модернизация — явление цивилизационного масштаба, глобальный феномен мировой истории. Под знаком модернизации прошли XVI—XX вв. мировой истории. Модернизация заняла половину последнего тысячелетия человеческой истории. В разных странах она имела разные стартовые условия, шла разными путями и имела разную продолжительность. Этот процесс охватывал все сферы человеческого существования: типы и способы производства; изменения в образе жизни; социальную мобильность; урбанизацию; секуляризацию; распространение информации; грамотности и образования; широкое участие в политической жизни.

В модернизированном обществе в отличие от традиционного усилия человека или животного заменены неодушевленными источниками энергии (пар, электричество, атомная энергия), экономическая деятельность отделена от традиционного окружения, орудия труда заменены машинами и сложными технологиями, обеспечен рост вторичного (промышленность и торговля) и третичного (обслуживание) секторов экономики при сокращении вторичного (добыча), осуществлена большая специализация экономических ролей в производстве, потреблении и распределении, созданы условия для самоподдерживающего роста экономики, широкого распространения грамотности и светского образования, формирования новой культурной парадигмы, акцентирующей внимание на прогрессе, расширена сфера интересов, разви-

та гибкая институциональная система, способная приспособливаться к постоянно меняющимся потребителям.

С середины XX в. процессы модернизации являются объектом пристального внимания представителей особой научной школы, которая именуется модернизационной. Модернизационная школа явилась междисциплинарной попыткой освещения процессов развития в период перехода от стадии традиционного к стадии индустриального общества. Каждая дисциплина вносила свой вклад в определение ключевых проблем модернизационного перехода. Особенно активно в этой парадигме работали социологи, экономисты, политологи, историки. Социологи фокусировали внимание на изменениях социальной структуры и моделей поведения; экономисты изучали технологическую, инвестиционную, внешнеэкономическую, распределительную политику, подчеркивали значимость увеличения производственных инвестиций для достижения самоподдерживающегося экономического роста; политологи рассматривали роли партий, элит, групп интересов в процессе политической мобилизации, придавали большое значение росту возможностей политических систем, существенное внимание уделяли влиянию традиций, ценностных установок, традиционных лояльностей, национальных символов на стремление поддерживать демократические институты; историки накладывали концептуальную схему модернизационной теории на историческое прошлое, оценивая развитие человечества с точки зрения его прогресса и перспектив, открываемых теорией, социальные психологи описывали становление «современной» личности; антропологи подчеркивали различия между традиционной и современной системами мышления.

Зарубежная историография породила огромную литературу о модернизации. В мировом обществоведении создан значительный теоретико-методологический багаж изучения проблем модернизации. Разрабатывались критерии, определялись фазы, этапы, типы, агенты модернизации и ее элиты, их влияние на темпы и характер общественного развития и самого модернизационного перехода (У. Ростоу, Н. Смелзер, С. Эйзенштадт, Д. Лернер, Д. Эптер, С. Блэк, С. Хантингтон и др)¹.

При изучении процессов модернизации зарубежными исследователями в определенной степени привлекался и российский опыт модернизации. Многие наблюдения, высказанные в этом плане такими специалистами как А. Гершенкрон, С. Блэк, Т. фон Лауэ, П. Готрелл и др., представляют несомненный интерес. Однако особенности подходов, присущих указанным авторам приводили их к различным, зачастую диаметрально противоположным выводам даже по ключевым вопросам: о характере российской модернизации; роли государства; механизмах воздействия государственных и институциональных структур на модернизацию и общество².

В последние годы усилилось внимание к проблемам модернизации и в самой России. А. Г. Вишневский, Б. Н. Миронов, В. А. Красильщиков, В. Г. Федотова, А. С. Сенявский, В. В. Согрин, В. И. Пантин, И. В. Побережников, О.Л. Лейбович, С. Каспэ, Н. Н. Зарубина и др. анализировали особенности и типичные черты модернизационных процессов в России и мире³. Наблюдаемый ныне большой интерес российских историков к теории модернизации можно объяснить следующим образом. Минуло два десятилетия с того времени, когда под влиянием внутренних разломов и цунами, обрушившихся на СССР с Запада, советский материк повторил судьбу Атлантиды. Захлестнутые девятым валом информации, ошеломленные скоростью и напором перемен, гуманитарии стремительно погружавшейся в историческую пучину социалистической эпохи, казалось, искали подходящее пристанище, где можно было бы собраться с мыслями, упорядочить идеи, осознать происшедшее с миром и вновь обрести себя в нем.

Естественно в данной ситуации встала проблема выбора макрообъяснительных моделей исторического процесса. На смену монополюльно господствовавшей в советской исторической науке формационной теории были предложены цивилизационная, модернизационная теории, миросистемный анализ и др. Названные теоретические подходы давали различные видения исторической реальности, по разному объясняли движущие силы, динамику, последствия исторического процесса. В связи с этим мы не хотели бы противопоставлять данные теоретические подходы и рассматривать их

как последовательно сменяющие друг друга познавательные модели. Скорее, речь должна идти об альтернативных теоретических конструкциях, имеющих собственные задачи, на решение которых ориентирован и предлагаемый ими теоретический инструментарий.

Среди множества концепций, созданных в общественных науках, такой твердью обещала стать теория модернизации. Ее основные идеи были сформулированы в конце XIX в. и активно разрабатывались западными обществоведами с 1950-х годов для объяснения социальных перемен, происходивших, в том числе, в странах Третьего мира. Теория модернизации продолжает собой линию исследовательской мысли, берущей начало от Г. Спенсера, Э. Дюркгейма и М. Вебера, описывавших изменения в обществе преимущественно в терминах эволюционизма. В своих предельных основаниях теория модернизации примечательно близка марксизму. И это естественно, потому что при всех различиях между капитализмом и социализмом у них существует единство в том, что оба они основаны на индустриализме. Действительно, подобно иудео-христианским представлениям о мире, в значительной степени определившим социальные построения К. Маркса, теория модернизации относится к линейным моделям общественных изменений. «Феодализм» и «капитализм» в марксизме, трактуя историю как последовательную смену общественных формаций, аналогичны традиционному и современному обществам в теории модернизации. «Печкой», от которой «танцуют» адепты последней, является промышленная революция, в центре исследований — смена аграрной колеи на индустриальные рельсы, повлекшая за собой целый комплекс существенных и необратимых изменений во всех областях социальной жизни. Это ли не аллюзия базис-надстроечной дихотомии? Есть в ней и своего рода переход исторических предпосылок в новое качество — трансформация патриархального общества в современное. В модернизационной модели, как и в марксизме, процессы общественных перемен рассматриваются преимущественно как эндогенное развитие, а к функциям внешнего мира относится обеспечение стимулов к адаптации.

Хотя и выпестованные в одной колыбели, теории марксизма и модернизации расходятся в трактовке механизмов

общественных перемен. Их основным отличием является то, что марксова социальная теория относится к конфликтным моделям, а теория модернизации — к эволюционным. В отличие от теории модернизации, торившей универсальный большак к идеалу — современному обществу западного типа, марксистская теория допускала различие путей, ведущих к заветной коммунистической цели. Тем не менее, в силу доминирующих моментов сходства, теория модернизации легко принялась отечественными обществоведами, оказавшись удобной обновленной версией объяснения исторического прошлого. Прошлого, берущего свой отсчет около пяти веков назад, и действительно радикально отличающегося от настоящего.

Теория модернизации, безусловно, обладает большим познавательным потенциалом. Изучая различия между традиционным и современным обществами, она имеет своим предметом радикальные и всеобъемлющие трансформации человеческого существования и деятельности, произошедшие за последние пять столетий. В самом деле, метаморфоза свершилась. Мenee десяти поколений назад люди безраздельно принадлежали все еще узнаваемому, но уже совершенно чуждому нам миру традиционной, аграрной цивилизации, мы же живем в ситуации принципиально иных качественных и количественных характеристик, определяемых индустрией. Можно признать, что и в России последний век ознаменовался пятью революциями, осуществившимися, несмотря на те объективные преграды, которые воздвигал на их пути традиционалистский социум: экономической, урбанизационной, политической, демографической, культурной.

Модернизация, понимаемая как переход от традиционного аграрного к современному индустриальному обществу, прочно заняла свое место в российской историографии последних лет, но она, как правило, не дифференцируется по уровням осуществления, тогда как это принципиально важно не только для теоретического представления, но и для практического исполнения. В Институте истории и археологии Уральского отделения РАН начато преодоление данного недостатка в рамках программы «Опыт российский модернизаций XVIII—XX вв.: взаимодействие макро- и микропро-

цессов», которая получила статус «Ведущей научной школы» в области гуманитарных наук Российской Федерации. Она исходит из того, что модернизация – всеобъемлющий, многосторонний, многомерный процесс, протекающий на различных уровнях (мировом, цивилизационном, страновом, региональном, локальном, индивидуальном). При этом механизмы осуществления модернизационных преобразований на разных общественных уровнях не являются идентичными, не совпадают, действуют в соответствии с разными логиками. Поэтому выводы, справедливые применительно к одному общественному уровню, не могут автоматически переноситься на другой уровень.

Таким образом, существует проблема выявления природы модернизационных механизмов на различных общественных уровнях, установления соответствия, согласования (несоответствия, расстыковки) между разноуровневыми модернизационными процессами и явлениями. Проблема усугубляется тем, что до сих пор исследования модернизации велись преимущественно на страновом уровне. Однако, подобный подход неизбежно спрямлял ход модернизационного процесса. То, что на страновом макроуровне выглядит как прямолинейная тенденция, на уровне локальном в каждый конкретный исторический момент могло принимать самые разнообразные формы, которые также должны быть включены в орбиту исследовательского внимания. Поэтому опыт осуществления модернизации нуждается в анализе на низовом уровне, который может обогатить историческое знание гигантским объемом конкретных примеров эффективных, положительных, или, напротив, негативных, разрушительных, модернизационных импульсов, реакций на них, взаимодействий институциональных, технологических, экономических, политико-правовых, психологических, структур и индивидуальных волеизъявлений. Именно низовой микроуровень порождает «большую» историю.

В данной работе как раз и акцентируется внимание на разноуровневых проявлениях модернизации, на взаимоотношениях между различными уровнями в контексте модернизации. В основе такого подхода лежит видение истории как постоянного взаимодействия и взаимовлияния человеческих действий и социальных структур. Он позволяет учесть

как субъективный, человеческий фактор, так и надындивидуальный, объективный контекст, задающий определенные рамки изменений.

Целью исследования является выявление закономерностей протекания модернизационных процессов на различных общественных уровнях, определение механизмов взаимодействия макро- и микропроцессов в контексте российского варианта перехода от традиционного к индустриальному обществу, определение вклада макро- и микропроцессов в формирование российской модели модернизации. При этом выделяется три уровня исследования: страновой, региональный и локальный. На страновом макроуровне в монографии анализируются геополитические аспекты российских модернизаций, динамика волн вестернизации, природа механизмов усвоения европейских инноваций, аграрная трансформация XX в.

Менее изученным по-прежнему остается региональный уровень модернизационных процессов, без исследования которого вряд ли возможно получение глубоких знаний о сути данного процесса. Авторы монографии обратились к таким сюжетам, как взаимодействие промышленной и аграрной сферы в контексте российской протоиндустриализации, формирование сферы гражданской деятельности, военно-промышленный комплекс как фактор модернизационной динамики. Все эти темы рассмотрены в региональном формате с учетом исторической специфики уральского региона.

Наконец, микроуровневое исследование российских модернизаций было сосредоточено на проблемах культуры горнозаводского поселения на Урале, хозяйственного развития горного округа; динамики развития низовых структур русской православной церкви, повседневности атомных городов СССР.

Продолжительность существования социальных подсистем и объектов на различных общественных уровнях различна, поэтому мы не ставили задачей проследить динамику изменений каждого измерения модернизации на всем ее протяжении. Напротив, иногда, особенно при анализе модернизационных процессов на региональном и локальном уровнях, авторы прибегали к использованию методик case

study, чтобы представить изучаемое историческое явление во всем его конкретном разнообразии с учетом множества факторов и механизмов, оказывающих воздействия друг на друга.

Использование предложенного теоретического подхода в конкретном исследовании дало возможность получить новые научные данные о динамике и темпах модернизации в целом, индустриализации, урбанизации, формировании сферы гражданской деятельности в общероссийском, региональном проявлении, о восприятии данных процессов различными социокультурными группами, о реальных механизмах функционирования институтов, о трансформации социальных основ российской цивилизации.

Разделы монографии написаны следующими авторами:

Введение — В.В. Алексеевым;

Глава I — И.В. Побережниковым;

Глава II: раздел 1 — К.И. Зубковым; раздел 2 — С.А. Нефедовым; раздел 3 — Е.В. Алексеевой; раздел 4 — Г.Е. Корниловым.

Глава III: раздел 1 — С.В. Голиковой, И.В. Побережниковым; раздел 2 — Е.Ю. Казаковой-Апкаримовой; раздел 3 — А.В. Сперанским («Военно-промышленный комплекс Урала как фактор модернизационной динамики России в советский период.»), Г.Н. Шумкиным («Военное производство на Урале в XVIII — начале XX в.»).

Глава IV: раздел 1 — С.В. Голиковой; раздел 2 — Г.Н. Шумкиным; раздел 3 — М.Ю. Нечаевой; раздел 4 — Н.В. Мельниковой.

Заключение — В.В. Алексеевым.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начало генезиса современного (модерного) индустриального общества относится к рубежу XV—XVI веков в Западной Европе и связано со стартом процессов модернизации. В XIX—XX вв., особенно в условиях глобализации, процессы модернизации охватили весь мир, коснувшись, конечно, по-разному, всех уголков планеты. Сегодня трудно найти страну, где бы не производилась промышленная продукция, что подтверждают широко известные факты и огромное количество статистических данных. Принято считать, что Россия с опозданием включилась в процессы модернизации и в индустриальную цивилизацию. Ведутся споры по поводу начальной точки отсчета российской модернизации, по поводу ее характера и результатов. Тем не менее, вряд ли можно оспорить сам факт включенности России в процессы перехода от аграрного к индустриальному обществу на протяжении XVIII—XX вв. Проблематике российских модернизаций указанного периода уже посвящена многочисленная литература, выполненная преимущественно в страновом формате.

Опора на многоуровневый подход, примененный в данной книге, дала возможность по новому взглянуть на модернизационные процессы в России, получить новые научные данные о динамике и темпах индустриализации, урбанизации, профессионализации, формировании сферы гражданской деятельности в общероссийском, региональном и локальном преломлении, о восприятии данных процессов различными социокультурными группами, о реальных механизмах функционирования институтов.

Что касается странового масштаба, то оказалось, что изменяющееся геополитическое положение страны играло заметную роль в иницировании и реализации российских модернизаций, а геополитические параметры в значитель-

ной степени определяли политику модернизации в ее исходных предпосылках и на уровне механизмов ее осуществления (внешняя необходимость не отстать от ведущих западноевропейских «центров силы» как определяющий фактор петровской имперской модернизации; непреодолимый антагонизм между капиталистическим Западом и СССР как геополитический императив советской модернизации; как следствие недостаточной зрелости экономических и культурных предпосылок модернизации обретение политической российских модернизаций дореволюционного и советского периодов характера геополитической задачи, что выражалось в опоре государственных программ модернизации на использование естественных природных богатств, вовлечение в хозяйственный оборот новых видов ресурсов, технологий или создание новых территориальных ресурсных баз).

Диффузионистский подход позволил представить историю России как череду модернизаций под воздействием приходящих с разных сторон диффузионных волн; при этом периоды модернизационных реформ сменялись периодами традиционалистской реакции. В начале XVIII века реформы проводились под воздействием шведской и голландской диффузионных волн, затем под воздействием Пруссии и наполеоновской Франции. Правление Николая I интерпретируется как период традиционалистской реакции, но поражение в Крымской войне стало началом проведения вестернизационных реформ по англо-французскому образцу. Затем, в правление Александра III и Николая II, традиционалистская политика сочеталась с подражанием германскому государственному капитализму. Во время Первой мировой войны государственное регулирование в Германии приобрело черты «военного социализма», и именно этот «военный социализм» (а не марксизм) стал основой экономической политики большевиков. В годы индустриализации и Второй мировой войны «военный социализм» проявил себя как достаточно эффективная экономическая система, но с 1970-х годов стало проявляться техническое отставание, связанное с произошедшей на Западе новой научно-технической революцией. Эта революция породила новую диффузионную волну, которая, в конечном счете, привела к крушению советской экономической и политической системы.

В ходе проведенного исследования была аргументирована значимость инноваций как сущностного ядра модернизации, были выделены следующие механизмы диффузии инноваций: государственный и административный аппарат, законодательство, образование, воспитание, медицинское обеспечение, производство (производственные предприятия), армия, среда проживания, традиция, миграция, коммерция, пропаганда (в том числе, и мода), спорт, выставки, ассоциации, общества и т.п. В результате рассмотрения одного из названных механизмов распространения инноваций — среды проживания, выделены четыре типа поселений, служивших центрами аккумуляции, и/или выработки, и/или распространения инновационного (отличного от традиционного) опыта на протяжении XVII — начала XX в.: иноземные анклавные в русских городах; поселения колонистов; военные поселения; горнозаводские центры. Типологический ряд инновационных центров продолжен возникшими в XX в. их новыми формами: многочисленными соцгородками (Уралмаш, Эльмаш и т.д.), академгородками, ЗАТО, инновационный центр XXI в. «Сколково».

Исследовательское внимание было сосредоточено на одной стороне проблемы — привнесении западноевропейского инновационного опыта в дореволюционную Россию иностранцами. В ходе анализа данной проблематики сформулирован вывод: на протяжении XVII — начала XX в. жившие в России иностранцы знакомили россиян со своими знаниями, умениями, обычаями, культурой, товарами через различные производства, театры, магазины, рестораны, клубы, гостиницы и пр., возникавшие в городах и других типах поселений. Доктора, морские офицеры, кораблестроители, военные, инженеры, механики, деятели искусства, портные, парикмахеры, разного рода ремесленники, промышленники, садовники, учителя и многие другие иностранцы жили и трудились вместе с русскими, продвигая вперед маховик модернизации России, в котором названные типы поселений были лишь одним — но далеко не последним по значимости — из множества механизмов распространения и адаптации инноваций.

Обоснована значимость трансформации в аграрной сфере в рамках российской модернизации (агротехпереход), способ-

ствовавшей внедрению прогрессивных сельскохозяйственных технологий, интенсивных систем земледелия, сельской электрификации, внедрению научных достижений, новых орудий труда и усовершенствованной сельскохозяйственной техники, развитию рыночных отношений и кооперации, изменению типа воспроизводства сельского населения, демократизации общественно-политической жизни в деревне, преодолению консервативных экономических представлений крестьянства о смысле и задачах земледельческого труда, внедрению грамотности крестьянства, формированию в среде крестьянства кадров массовых профессий, формированию правового сознания крестьянства, изменению сельской поселенческой сети. Выявлены три фазы аграрного перехода в российской деревне: конец XIX – середина XX в.; середина XX в. – конец 1980-х гг.; начало 1990-х гг. – начало 2000-х гг., – направления и формы проявления которых были обусловлены исторической обстановкой, борьбой конструктивных и деструктивных элементов.

Выявлены факторы, механизмы и агенты модернизации на региональном уровне. В частности, анализ развития Уральского региона в условиях протоиндустриальной модернизации позволил установить такие его особенности как большая подвижность населения, сохранявшее свою значимость освоение в разнообразных проявлениях, особая роль военного элемента, усиление в условиях недостаточной освоенности региона разнородности в социальном, экономическом, культурном отношениях, причудливое переплетение традиции и новации в производственной, социально-институциональной, управленческой сферах.

Региональный уровень анализа российской модернизации дополнен региориентированной моделью генезиса гражданского общества в России. Концепция гражданского общества, используемая в контексте теории модернизации, позволила на примере уральского города проанализировать особенности городской общественной жизни, обусловленные спецификой имперской российской модернизации. На конкретно-историческом материале удалось проследить, что под воздействием модернизации и ее субпроцессов (профессионализации, демократизации и рационализации) уральский город заметно прогрессировал на пути к гражданскому об-

ществу, дифференцировались городские формы самоорганизации, наблюдалась постепенная замена или трансформация традиционных социальных структур новыми современными институтами. Установлено, что во второй половине XIX — начале XX в. в городах Урала происходил ускоренный рост гражданской инициативы, оживилась общественная жизнь, что было отражением процесса формирования сферы гражданской деятельности — особой публичной сферы, промежуточной между индивидом и государством. В ходе государственной реформаторской политики и социальных трансформаций в городах появлялись общественные институты, в которых принимала участие значительная часть горожан, осознавая и отстаивая свои интересы.

Великие реформы Александра II дали импульс развитию общественной самодеятельности, значительно пошатнув государственную монополию на выражение общественных интересов, что началось с реформирования городского общественного самоуправления. В городской среде стали появляться общественные деятели нового типа, которым была свойственна активная гражданская позиция с акцентом на общественное служение. Городское общественное самоуправление было тем стержнем, вокруг которого формировалась сфера гражданской деятельности. Постепенно сфера гражданской деятельности расширялась с появлением различных обществ как религиозного, так и светского характера. Проанализировав спектр обществ в городах Урала в рассматриваемое время, можно говорить о его широте и разнообразии. Большую роль в повседневной жизни уральского города играли православные сообщества различного типа. Национальные и религиозные формы общественного быта обуславливались особенностями многонационального и поликонфессионального состава городского населения Урала. Среди светских общественных организаций в городах Урала преобладали общества инструментального типа, которые ставили важные задачи преобразования социально-экономической и социокультурной действительности. Еще одна особенность ассоциативной жизни в уральских городах второй половины XIX — начала XX в. связана с всплеском светской общественной благотворительности.

Модель формировавшегося в России гражданского общества являлась отражением процесса имперской модернизации.

ции с учетом особой роли в нем государства, формирование же сферы гражданской деятельности на Урале носило отпечаток общей логики этих процессов, в главном разделяя общероссийские тенденции общественных изменений. Эволюция общественной жизни на Урале предполагала и некоторую преемственность традиций, а прогресс и инновации предполагали сохранение региональной самобытности. Сфера гражданской деятельности рассмотрена как достаточно сложный, многоуровневый, живой и деятельный организм, активно реагирующий на вызовы модернизации, что ярко видно на примере уральского города второй половины XIX — начала XX в. Уральская идентичность, обусловленная самобытностью Уральского региона, укреплялась в процессе генезиса сферы гражданской деятельности.

Важной составляющей коллективного исследования стал анализ военно-промышленного комплекса Урала как фактора модернизационной динамики России. Война на протяжении всей истории человечества являлась важнейшим фактором разрешения социальных, экономических, политических и идеологических противоречий мирового социума. Как инструмент достижения поставленных целей она не исключается даже в условиях современного мира, когда при наличии оружия массового поражения, конфликты между народами и странами чреваты полным уничтожением земной цивилизации. Поэтому наращивание военных потенциалов, постоянное совершенствование и развитие вооружений всегда было первостепенной составляющей модернизационных процессов во всех развитых странах мира. Сталинская модернизация в СССР не стала исключением и в значительной степени способствовала формированию военно-промышленного комплекса «страны советов», основу которого составила уральская «оборонка». На всем протяжении существования «красной империи» ВПК, созданный в уральском регионе, непосредственно влиял практически на все направления модернизации советского социума.

Ярко выраженный акцент на милитаризацию промышленного потенциала сделал модернизацию в СССР «инструментальной», что безусловно отражалось на уровне жизни населения страны. Однако, созданный за счет лишения людей многих материальных благ ВПК, дал возможность

Советскому Союзу одержать победу в Великой Отечественной войне и почти полвека достойно противостоять США в глобальном противоборстве за мировую гегемонию в условиях «холодной войны».

Нельзя не отметить, что модернизационные процессы в СССР, тесно связанные с военной индустрией, способствовали совершенствованию научно-технической базы страны, делали ее конкурентоспособной на международной арене. Они укрепляли авторитет правящей элиты, предоставляли возможность советскому государству не только проводить независимую внешнюю политику, но и в определенной степени диктовать свою волю мировому сообществу. В известной мере они также давали населению «первого в мире государства рабочих и крестьян» реальную почву для созревания чувств гордости за свою «великую Родину», формирования патриотической и гражданской позиции. И при этом, будучи парциальным явлением, военно-промышленные инновации объективно не могли в полной мере обеспечить линейный характер советской модернизации. Все другие сферы общественного развития, задавленные остаточным принципом финансирования на протяжении многих десятилетий пребывали в состоянии «застоя», демонстрируя вопиющую неспособность удовлетворять растущие потребности социума.

Своеобразное преломление получили процессы модернизации на микроуровне. Анализ взаимодействия промышленной и аграрной сфер в контексте российской протоиндустриализации сфокусировал внимание на такой микроячейке общества как домохозяйство, которое благодаря высоким адаптационным возможностям оказалось готовым приспособляться к разным хозяйственным системам, в том числе к горнозаводскому производству на Урале, подвергаясь, конечно, при этом изменениям. Привлечение к заводскому труду, требовавшее прежде всего отрыва от своего хозяйства и приобретения необходимых для выполнения работ средств труда (тягловой силы, инвентаря), должно было наложить заметный отпечаток на организацию хозяйства, «втянутого» в индустриальную среду. Эволюция отраслевой структуры, характерной чертой которой стало развитие животноводство и приспособление полевого хозяйства к

животноводческим нуждам (преобладание фуражных культур над продовольственными), а также его сочетание с активно развивающимся огородничеством, характеризует происходившие в ней изменения как адаптацию к условиям горнозаводского производства. Даже в хозяйствах приписных крестьян, а затем непрременных работников происходил процесс перепрофилирования земледелия на производство фуражного зерна для животноводства.

Подобная эволюция плохо согласуется с концепцией постоянного обнищания народных масс, зато объясняет вклад такого микрообъекта как домохозяйство в крупное горнозаводское производство. По сравнению с индустрией, организованной на классических капиталистических началах, промышленность Урала XVIII — первой половины XIX вв. даже своих мастеровых обеспечивала домохозяйством, стремясь вспомогательные работы организовать на базе крестьянского хозяйства. Длительное сосуществование переделанного под промышленные нужды домохозяйства и крупного заводского производства в рамках единой хозяйственной системы (горнозаводского округа) является ярким примером взаимосвязанного и взаимозависимого развития разноуровневых модернизационных структур.

На микроуровне модернизационные процессы были специально рассмотрены на примере горнозаводского поселения на Урале, культуры горнозаводского социума. Горнозаводской Урал возник и развивался в русле общероссийских социокультурных тенденций, определяемых преимущественно западноевропейскими традициями. Время его формирования признается всемирно-исторической вехой в противоборстве между силами традиции и модернизации во всем мире. «Горнозаводской» проект являлся частью глобального колониационного процесса, а горнозаводское поселение выступало наиболее зримым его проявлением. Именно в его лице местному населению была предъявлена европейская цивилизация. При изначальной прогрессистской и европоцентристской направленности именно горнозаводская культура оказалась восприимчивой к процессу распространения общемировых культурных ценностей. Успешная институционализация горнозаводского культурного пространства служила целям легитимации экспансионистского потенциала

индустриальной, прогрессивной культуры. Ее особым предназначением в качестве порождения технического и социального прогресса было способствовать изменению «старого», прежде всего крестьянского мира. В данных условиях противопоставление культурных традиций и новаций в крае стало не просто результатом воздействия индустриализации, а продуктом динамичного взаимодействия между ее культурными формами и доиндустриальной культурой.

Конкретным объектом для анализа модернизации стал Златоустовский горный округ. При анализе развития Златоустовского округа в XIX — начале XX вв. основной акцент был сделан на процессе рационализации, являющимся важнейшим компонентом трансформации традиционного общества в модерное. По итогам исследования был сделан вывод о том, что преобразования являлись реакцией на неэффективность функционирования округа и всей системы казенного горнозаводского хозяйства с точки зрения интересов государства.

Приобретая в 1811 г. Златоустовские заводы, государство рассматривало их как инфраструктуру для будущей Оружейной фабрики, а также как источник бюджетных доходов. Сложность управления заводами, непрозрачность отчетности, а также низкая эффективность коммерческих операций и вовлеченность заводов в выполнение государственных заказов вызвали в конце 1820-х гг. перевод заводов на общие принципы управления казенными горными заводами, а также усиление регламентации и военизации. Низкая эффективность казенных горных заводов во время Крымской войны стала причиной реформ, направленных на реконструкцию военного производства и избавления от непрофильных активов в 1860-1870-х гг. Череда неудач с организацией новых производств, конкуренция со стороны предприятий военного и морского министерств привели в 1870-1880-х гг. к постепенной переориентации заводов на рынок. Кульминацией данной трансформации стал проект перевода казенных горных заводов Урала на «коммерческое основание» в 1890-х гг. Однако, развитие рынка вооружения (вызвавшее усиление давления частных фирм на Военное и Морское министерства) и заинтересованность оборонных предприятий в металле Златоустовских заводов вновь

привели к усилению военной составляющей в их деятельности в начале XX в.

На каждом этапе преобразования были по-своему рациональны и оправданны (с точки зрения тех, кто их планировал и проводил). Очевидно, что единого, «магистрального» пути развития не было, также как и не было полного отрицания того, что было сделано ранее. Шел процесс постепенного отбора и накопления наиболее эффективных форм хозяйствования и социального взаимодействия.

Модернизация в религиозной сфере привела к более динамичной секуляризации. Поскольку в условиях XVIII — начала XX вв. секуляризационные преобразования проводилась искренне верующими людьми, целью этих преобразований была не ликвидация влияния Церкви в целом, а аккумуляция этого влияния в сфере духовной жизни человека. Преобразования мотивировались как возврат к исконным христианским принципам религиозной жизни. Реализовывалась эта концепция постепенно, в XVIII — первой половине XIX в. — на макро- и мезо-уровнях, в XIX — начале XX вв. — на микроуровне (приходских общин и монастырей).

Целью реформ на уровне прихода являлось более активное участие прихожан в жизни Церкви, развитие системы низшего церковного образования и благотворительности. В это время возникла обширная сеть общественных религиозных организаций как общероссийского, так и епархиального и приходского уровня. На микроуровне монастырских локусов преобразования заключались в переводе обитателей на нормы иноческого общежития, считавшиеся более способствующими следованию монашескому идеалу.

Преобразования Церкви на микроуровне приходов и монастырей в XIX—начале XX вв. призваны были возвысить ее духовно-нравственное влияние в России. Проходили они непросто и противоречиво, и результаты преобразований становились заметны медленнее, чем хотелось бы современникам. Если церковные преобразования на макроуровне касались прежде всего духовенства, то на микроуровне они были направлены на Церковь как религиозное сообщество в целом, которое вновь должно было себя осознать таким сообществом в конкретных делах и организационных фор-

мах. Приход и монастырь постепенно превращались в такие сообщества, где религиозные нормы духовной жизни воплощаются в конкретные дела. Обрядоверие и «литургический» характер русского православия, более органичные для традиционного общества, стремились заменить системой христианской взаимопомощи, религиозного воспитания и образования, осознанной религиозной этикой. Коренные политические перемены начала XX в. прервали этот исторический процесс, и преобразования остались незавершенными.

Исследование такого объекта как закрытый атомный город (и уже – секретное производственное предприятие) значительно углубляют научные представления о реализации политики сталинской модернизации на микроуровне, позволяя проанализировать механизмы распространения и адаптации инноваций, своеобразие восприятия городским социумом (и отдельными его группами) данных процессов. Появление закрытых атомных городов стало логичным продолжением сталинской «инструментальной» модернизации в условиях послевоенной «великодержавной» конфронтации СССР и США. В результате, в повседневной жизни населения прочно закрепились установка на усиление обороноспособности страны, породившая черты оборонного сознания, милитаристские настроения, отношение к работе как социально-политической ценности. Сложилась своеобразная социальная стратификация, отражающая разные уровни приближения к процессу создания атомного оружия, включенности в производство и, соответственно этому, разные функциональные роли и степени участия в принятии решений, разные уровни дохода и социального благосостояния в целом.

Руководство и рядовые члены этих атомных сообществ расположили по приоритетам те ценности и способы проживания, к которым большая часть остального общества будет стремиться в последующие годы и десятилетия. Эти ценности благоприятствовали производству, экономическому росту и потреблению. Атомные города в результате комплексного воздействия самых разнообразных факторов (политико-экономических, социально-бытовых, ментальных) стали чувствительными сейсмографами, улавливающими

некоторые культурные тенденции прежде, чем они успели распространиться в обществе в целом.

Таким образом, рассмотрение российских модернизаций XVIII—XX вв. на основе многоуровневого подхода продемонстрировало свою познавательную эффективность за счет расширения наших представлений о механизмах протекания субпроцессов модернизации (индустриализация, урбанизация, социокультурная трансформация, демократизация, становление современных мотивационных механизмов и т.д.); особенностях реализации политики модернизации; механизмах распространения и адаптации инноваций; особенностях функционирования социальных систем (страна, институциональная структура, регион, сектор экономики, город, предприятие и т.д.) в контексте модернизации.